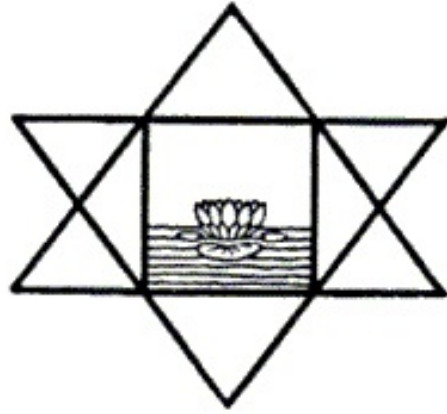

САТПРЕМ

БУНТ ЗЕМЛИ

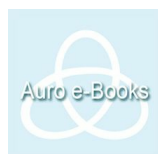

Сатпрем
«Бунт Земли»

(сборник эссе)

*Сквозь удивительную брешь
в стенах рождений..
Шри Ауробиндо*

Ауро-Книга

© Утренняя Роза Портал Интегрального Саморазвития, 2015.

<http://www.sriaurobindoyoga.org/>

Автор перевода: неизвестен

Дизайн обложки: Nara

Электронная версия опубликована:

Ауро-Книга

<http://www.auro-ebooks.com/ru/>
mail@auro-ebooks.com

Ауровиль, Индия

Оглавление:

Глава 1. Средние века науки

Глава 2. Бунт Земли

Глава 3. Сфинкс

Глава 4. Революционер

Глава 5. Она

Глава 6. Вызов

Глава 7. Жизнь и Смерть

Глава 8. «Я знаю» тела

*Очень узкий горный хребет
пролегает между миром Чудес
и миром отчаяния.*

«Савитри»

*Очень тонкая перегородка отделяет
Чудесное от губельного.*

«Савитри»

*Шри Ауробиндо и Матери,
Которые дали мне все,
Моей матери
И чайкам Дикого Берега.*

Средние века науки

Если виду не удастся обрести смысл своего существования, он умирает или саморазрушается.

Мы считаем себя французами, китайцами или русскими, белыми или черными, но это наше первое заблуждение. Мы считаем себя христианами, гедонистами или мусульманами и еще не знаю кем, но это наше второе заблуждение. Мы считаем себя учеными и теми, кто открывает звезды, и теми, кто использует все другие виды, но это наше третье заблуждение. Мы поглощаем все. Но кто поглощает что? Мы знаем все. Но кто знает что?

За средними веками религии следуют средние века науки. И мы не знаем, какие из них хуже.

Однако, это просто и очень сложно. Эволюция вида не укладывается в то, что он сам о себе думает, хотя способность мыслить может нам помочь ускорить шаг и обрести смысл. Эволюция видов совершается в теле, что является очевидным в течение уже четырехсот миллионов лет. Когда речь идет о том, чтобы от акулы перейти к тюленю, лежащему на своей льдине, мало значения имеет то, какая это рыба: желтая, белая или черная, или даже, может быть, ученая рыба, потому что в любом случае – это рыба наука и к тому же уже устаревшая.

Но посмотрим! Назовем себя учеными. Мы живем под звездами, ходим на двух ногах, у нас даже есть телескопы и микроскопы, и мы можем все сосчитать, вплоть до числа атомов, из которых мы состоим. Вполне серьезно, мы можем сказать, что кристаллик соли состоит из миллиарда миллиардов атомов.

Но это – ложь, мы живем не под звездами и даже не в атомной бухгалтерии, мы живем в смерти. Наша наука – это наука о смерти, так же как и наша теология. Первое дело эволюции, фундаментальное дело жизни – это смерть. Мы видим все, мы знаем все, и мы чувствуем все сквозь Стену смерти, так же как рыба – сквозь пленку воды. Самое большое мошенничество думающих людей состоит в том, что они когда-то называли «жизнью». Это самое сенсационно неправильное название за всю историю. Нельзя сказать даже о симбиозе жизни и смерти, потому что подобная жизнь есть не что иное, как

смерть. Это – некробиоз.

Не имея смелости прямо посмотреть на этот простейший, первостепенный факт эволюции, мы хватаемся за все обманные значения и обманные способы.

А это просто бросается нам в глаза.

Человек из пещеры Ласко жил уже четырнадцать тысяч лет назад, а мы до сих пор не смогли разгадать нашу человеческую тайну.

Какие же окольные тропы вели нас?

Речь идет о том, чтобы найти пролом в стене, такое место в теле, где есть возможность сделать следующий шаг к новому виду или где есть ближайший вид. Но, прежде всего, в каком направлении искать? Дело, наверное, состоит не в том, чтобы заниматься усовершенствованием наших мозговых извилин или других наших устройств, так же как оно не заключалось в том, чтобы улучшить качество плавников акулы при переходе к земноводным.

Земноводные – это те, кто «живут по обе стороны» (или те, кто умирают на той и на другой стороне), кому как больше нравится. Мы – ни капельки не земноводные: мы живем только с одной стороны и именно со стороны смерти. Мы ничего не можем узнать ни о Земле, ни о планетах, ни о звездах, не сказав о самих себе, как о «стороне смерти». Мы никогда не сможем сказать: «А что же там по ту сторону Стены?», не оставив позади себя труп.

Посмотрим, по ту сторону Стены, есть ли там «чистое сознание» или ящик на кладбище? Посмотрим, где она еще эта ваша стена? Мы никогда не видели ее в наши микроскопы! Мы видели сердечных и туберкулезных больных, сплюснутые энцефалограммы и попавших под машину, а потом мы видели скелеты в... ящиках. Но ваша стена, где она? Еще увидим.

Но мы ничего не видим, во всяком случае, не больше, чем рыбы в своем океаническом бокале. Мы покончили со всеми «условностями жизни», не заметив, что это – условности смерти. Мы говорим: «За пределами такого-то числа градусов – смерть, за пределами такого-то атмосферного давления – смерть, за пределами такого-то количества кислорода – смерть». Мы

никогда не устанем перечислять все эти «за пределами жизни», потому что все они являются «за пределами смерти» и стенами нашей тюрьмы, внутри которой мы не так уж и плохо себя чувствуем, но не так уж и хорошо через некоторое время.

Но это – ложь.

Очень скоро может оказаться, что этот простейший первостепенный факт эволюции даст нам также ключ к следующему шагу эволюции, или, говоря словами Шри Ауробиндо, «Новой эволюции», которая ничего общего не будет иметь с эволюцией Ламарка или Дарвина, но будет зарей первой жизни на Земле, некробиозом, лишенным своего ложного наименования.

Большой перелом в стене эволюции.

Слабость вида не есть лучший способ перехода к чему-то другому.

Следующий вид не есть «улучшенный» предыдущий. Это не что-то, что можно прибавить, как плавники, лапы, крылья или новые мозговые извилины. Это что-то, что выходит из них, есть именно то, что несет смерть всем другим видам. Первородный кокон, который покрывает все и все разлагает.

Нет «сверхчеловека», есть другой человек или, может быть, первый человек, потому что до сих пор были только смертные животные, снабженные более или менее искусным интеллектом для того, чтобы так или иначе пытаться избежать своей печальной участи.

Нам не могут помочь ни низкие материи, ни вершины духа, но то, что находится внутри тела, так глубоко внутри, что пришлось бы, может быть, дойти до тех времен, когда еще не было ни троглодитов, ни литосферы. Мы не ожидаем ничего «сверхземного», но восхитительную могущественную тайну земного неведомого.

Итак, наконец, у нас есть цель: наша смертельная уязвимость и есть тот первый шаг, который поможет нам вырвать ключ.

И так очевидно – мы можем немного пофилософствовать: водяной философией, потом земноводной – что ничто не может существовать во Вселенной, кроме радости.

Созидание или «способ существования» во имя смерти, ад и

страдание – все это бессмыслица, если не сказать так, как говорили бедные гладиаторы на римских аренах: «Да здравствует Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя».

И кажется столь же очевидным, что это тело животного, сотворенное эволюцией и сфабрикованное смертью, великим множеством смертей, не несет в себе другого доступного разуму смысла, кроме как найти тайну бессмертия и обрести радостный смех в теле избавившегося от смерти.

Это – великий эволюционный вызов и следующий шаг вида.

Духовники и ученые ввели нас в заблуждение.

И наука, и религия сделали нас калеками, если не сказать тупицами, с помощью наших собственных средств и нашей собственной эволюционной тайны: одни, отсылая нас за ней на небо, другие – к утилитарной механике. Мы не ученые, мы калеки. И разве мы только «люди»? У нас есть телефоны, телеграммы, самолеты, и я не знаю, что еще: все возможные способы, чтобы сгинуть в тюрьме, тщательно расфасованными и запертыми на засов – все, что нужно для того, чтобы избавить нас от поисков ключа.

А потом еще медицина, предоставляющая нам все средства, с помощью которых мы можем успешно умереть.

Но жизнь. Где она?

Бунт Земли

Итак, никто еще не отыскал ключ? А ведь был Сократ: «Познай самого себя».

Они убили Сократа.

Был Прометей, который хотел принести людям божественный Огонь.

Миф?

Символически, можно было бы сказать, что в году 399 до рождения Христа, в день цикуты Сократа Запад избрал фатальный путь. С этого дня мы трагическим образом отдалялись от ключа. От этого островка Красоты и Милости, избравшего себе девизом: «То kalon еrieikes», «Истинно то, что прекрасно». Нас медленно затягивало в римское варварство, чей крик до сих пор отдается эхом на всех пяти континентах «rapem et circenses», «хлеба и зрелищ». Потом еще более медленно, но более коварно к нам присасывалась своими щупальцами Церковь, считавшая себя противоположностью римскому варварству, но закончившая, тем не менее, несколькими зловещими кострами и заключившая нас в готовое сознание, направляемое Богом, единственным выходом из которого мог быть только материалистический бунт и падение в некую человеческую мерзость.

Мы не можем выкарабкаться из этой мерзости вопреки нашим... отупляющим победам.

Возможно, мы получили в избытке «хлеб», но «зрелища» телевизионные и радиофицированные в таком избытке, что, кажется, они множат смерть и насилие повсюду, разрывая даже нашу собственную кожу, кожу тела неведомого животного, о котором мы думаем, что составили опись всех его законов и заперли его малейший атом, как могилу в новой научной Церкви. Но это тюрьма, и чудеса ее жестоки. Это – Бастилия, более удушливая, чем тюрьма Капетингов или подземелья Инквизиции. Наши убийства и насилия, наши наркотики и вирусы – не это ли крик Земли, ее последний бунт против нас, не нашедших своей цели, каким был и материалистический бунт против экклезиастической тюрьмы, но еще более радикальный и разящий до самого дна наших клеток.

После средних веков церкви и науки, не настанут ли средние века скотства, просто-напросто? Не надо обманывать себя, мы не подошли к концу «цивилизации», как когда-то к концу Римской Империи. Мы подошли к концу Римской Империи, только и всего.

Но, Человек, был ли он когда-либо? Может быть, его еще и не было? У него нет ключа от его собственной физической эволюционной тайны, который навсегда избавит его от его богов и его дьяволов, освободит из собственной смертной тюрьмы. Эволюция не может остановиться до тех пор, пока она не откроет свою собственную эволюционную тайну. Она – в самом зародыше, в самих наших клетках, которые, может быть, сделаны из чего-то другого, а не из этой гримасничающей дезоксирибонуклеиновой кислоты, которой похваляются наши Знахари. И даже конвульсии нашей старости, может быть, придуманы только для того, чтобы заставить нас приблизиться к Тайне.

* * *

Иногда случаются странные совпадения в истории, как и в расположении планет, которые позволяют нам предвидеть переломные моменты в будущем человечества, а также его тупики.

Когда родился Сократ, Будда несколькими годами раньше ушел в Нирвану, а Эсхил еще только готовился написать Прометея. Три великих человеческих рождения, чьи последние дни сокрыты покровом тайны и неизвестности. Почти в одно и то же время.

Можно сказать, что одновременно с Нирваной Будды в Азии тоже наступил перелом, который нельзя назвать «фатальным», как перелом на Западе, потому что он был мягким, благоприятным и утешительным, предписывающим этим «безумцам», как говорил Будда, обрести свой рассудок и свою реальность. Но эта «реальность» толкала Азию в безвыходный тупик, наименее земной, отсылающий нас в небытие, из которого мы никогда уже не должны были бы выбраться, кроме как посредством некоего отклонения от нормы, о котором нельзя сказать – от Бога оно или от Дьявола, или нашего собственного

изготовления.

Но очень скоро наша материалистическая наука уравнивает все это, сравнивает Восток и Запад в одном и том же утилитарном болоте, которое покроем отныне все континенты.

Конечно, можно еще предаваться приятным камерным медитациям и индивидуальным «освобождениям», ничто ведь не мешает нам, и это так освежает посреди нашего беспорядочного мира. Но Земля так и остается прикованной, как Прометей на Кавказе, и давление мутного болота нескоро позволит нашему сознанию встать на ноги. Потому что не стоит больше обманывать себя: остров Красоты никогда не оживет в окружающем Варварстве, не будет ни Тибета, ни Афин.

И мы это заслужили, не так ли. На сегодняшний день нас уже более пяти миллиардов. Это немного пугает.

* * *

Остается Прометей.

Но этот зародыш еще пребывает в состоянии мифа или поэзии, этот сияющий знак на запутанных и полностью интеллектуализированных следах, а мы нуждаемся в конкретном пути, в конкретной тайне, в эволюционном законе, который заставит нас сделать шаг из нового ледникового периода или Апокалипсиса, не меняющих ничего, потому что надо будет все начинать сначала до тех пор, пока мы не подойдем к тайне наших клеток. Нет ничего более неумолимого, чем клетка – это само упорство, и миллиарды лет не в счет.

Но почему сегодня? Потому, конечно, что мы уже стучались во все обманные двери, какие только были.

Огонь...

Прометей хотел принести божественный Огонь людям, но где искать его, когда все тайны Индии отсылают нас к Трансцендентному?

Вот и все.

Задолго до греков, намного раньше Будды и Упанишад и, может быть, еще до первой египетской династии, примерно за три или за пять тысяч лет до нашего юного Христа на вершинах Гималаев жили странные песнопевцы, которых называли

ришами; они оставили свои гимны и свою тайну, столь же недоступные, как тайны подземелий и фресок Фив, поскольку их передавали от отца к сыну, от учителя к ученику, сохраняя тончайшие интонации, как и положено обращаться со всеми священными формулами. От этих гимнов, названных Ведами, нам осталась некая Риг-Веда, посвященная божественному Огню – Агни, расшифрованная Шри Ауробиндо, как были расшифрованы иероглифы Шампольоном, но расшифрованная не с помощью «розеттского камня», ни даже с помощью высшего сознания, расшифрованная и вновь обретенная посредством опыта, произведенного Шри Ауробиндо в своем собственном теле и в своих собственных клетках. Именно в этом. Именно в этом – истина! Клетки знают. Можно думать все, что угодно, но у тела есть собственный способ, как узнать свою мать.

*О Огонь, ты сын неба
через тело Земли...
О Огонь, ты сын вод, сын лесов,
даже в камне и там ты присутствуешь ради
человека. [1]*

В этом есть тайна.
Вот она:

*Наши отцы своим криком разрушат неприступные
крепости;
своим криком они разобьют вдребезги горную скалу,
они сделают
в нас проход...
и придут к Свету и солнечному миру, [2]
и откроют Свет и солнечный мир. [3]*

Эта «скала», эти «неприступные крепости» – все это, может быть, есть наша «стена» смерти, невидимая Бастилия, против которой Земля подняла мятеж.

Следующий шаг вида.

Сфинкс

Иногда надо суметь стать проще и, оставив литературное множественное, сказать «я», как бы мимоходом: «Который час или куда ты идешь? И что движет тобою, человек?»

Так говорил Сократ: «Остановись, мой друг, побеседуем немного. Не об истине, которая поблекла, не о скрытой природе мира, но о том, что ты собирался делать, когда я тебя встретил. Ты думаешь, что ты хочешь сделать справедливо, красиво или хорошо потому только, что ты собираешься это сделать. Но объясни мне тогда, что такое справедливость, красота, добро».

[4] Справедливость – красота – добро... Черт возьми! Где прячутся все эти птицы?

Я иду... я много прошел. Я даже промчался галопом через несколько континентов. Но что заставляло меня идти? Что приводило в движение мои ноги, и почему я выбирал тот или иной курс из стольких всяких курсов, словно ясновидящий безумец? Ни разу во мне не шевельнулась мысль, ни разу не возникла абстракция: я моряк, бретонец, я люблю морской простор, чаек, хотя и родился в Париже на улице Джордано Бруно (тоже довольно упрямый еретик, за что и был сожжен заживо). Все начиналось хорошо. Однако на дорогах Афганистана я вспоминал Мальро: «Пусть других поразит сдача на волю судьбы и мучительная предопределенность неведомого». Неведомое – это очень по-бретонски (один из моих предков был юнгой на первых парусниках), неизвестность, приключения, тем более что «обыденное» вызывало во мне тошноту.

Но почему так? Что заставило меня тронуться в путь? Моряки говорят, что они «отдают швартовы». В конце пути находишь то же, что было в начале – и это, может быть, вопрос, который задают все. Молчаливый вопрос ребенка, глядящего на бегущие волны и на то, как легкий ветер гонит их в открытое море. «И что же все это значит?»

Тогда этот вопрос обрушился на меня, как землетрясение. Это случилось 5 мая 1945 года. Мне был двадцать один год с небольшим; я выходил из барака, полного вшей, и уже переболел тифом, подхваченным в последние дни пребывания в

концентрационном лагере. Меня спасли, не знаю почему.

Было отчего сомневаться во всем.

Я был зияющей бездной.

Восемнадцать месяцев пребывания в человеческом кошмаре.

Нет: не «наци», не «немцы», не «чужие», а опустошение Человека.

Без малейших колебаний я бросился в самое сердце дикого мира, как те рыжие обезьяны, что лают в гвианской ночи. Может быть, они лают, пытаясь обрести смысл своего существования? Я очень постарался, чтобы найти свой.

* * *

Существует, тем не менее, высшая Милость.

Может быть, некоторые из криков вынуждают божественную Милость снизойти?

Ровно через семь месяцев после того, как я вышел из нечеловеческого мира и вновь окунулся в море, которое мне ничего не говорило, кроме того, что оно любит меня, и я люблю его, наконец-то у меня было что-то, что можно было любить, я оказался на борту старого военного самолета – никакого другого транспорта не было в послевоенном хаосе – на пути в Каир. Либо индийцы, либо бретонский кузен, кто-то из них должен был стать моим учителем.

А потом Гиза, Сфинкс.

Я был потрясен.

Я был совсем один, орды туристов еще не нахлынули на мир, подобно Чингисхану.

Мне было двадцать два года. Я был мертвецом, стоящим на двух ногах. От меня остались только мои глаза, которые смотрели и смотрели на песок, на Сфинкса, как прежде на море, я был словно ребенок, потерявший память, со своей черной дырой. Не было никого, была эта бездна, была тоска – это единственное «что-то», что было. И потом «нечто», которое смотрело на меня из глубины вечности, как море, умеющее видеть.

Я был маленьким. Чем я был?

Я не был даже «человеком»: из меня вырвали мое человеческое. Если размышлять над чем-то, что является НИЧЕМ, бездной, криком – это все. Огонь – да. Это бездна, которая жжет жестоко. Быть – значит быть огнем, который жжет. Это – до людей, до эпох. Первый крик, раздавшийся над горными вершинами Земли, был огнем. Это мое огненное существо стояло перед Сфинксом.

И потом было что-то, что походило на бунт или на обманутую любовь, но я был обманут «человеком».

* * *

Был ли ответ? Ответ на что? Я не занимался поисками мысли или философии, я искал биение сердца.

Я приземлился в Северном Египте один, совсем один! Весь Северный Египет принадлежал мне! Абидос, Фивы, Луксур, Долина Королей, и Наг-Хаммади, где я прожил полтора месяца на берегу Нила.

Я прожил полтора месяца в состоянии непередаваемого ощущения – я словно впитывал в себя целый мир. Там была пустота, были пески, развалины – все это было готово рухнуть, как колонны Луксура, разбитые, массивные, потрескавшиеся на солнце, но устойчивые и реальные, как если бы они все еще несли на своих плечах бога Ра. Это было живым! Это было там.

Внезапно Запад предстал передо мной пустой позолоченной скорлупой, даже греческие колонны казались мне слишком женственными рядом с этими гигантами. Неожиданно западный мир со своими церквями, соборами, академиями и Сорбоннами показался мне чем-то искусственным, надуманным, довольно изящным и ловко скроенным, чистеньким и таким хрупким, словно подвешенным в пустоте.

Там ты словно прогуливаешься по бульвару в никуда. Здесь ты чувствуешь себя проглоченным, подавленным, пораженным миром, который не является вопросом с заранее готовыми ответами, но который представляет из себя сам вопрос, старый, прочувствованный, живой, расстилающийся под солнцем и уже готовый быть погребенным в пески, чтобы возродиться вновь и вновь, как если бы вопрос, повторенный тысячу и тысячу раз,

вобрал в себя могущество и скрытый огонь, являющийся самим Ответом.

Интеллект – ни что иное, как способность проглотить «это»; все остальное – забавные анекдоты, состряпанные так, чтобы с легкостью циркулировать по мозговым извилинам. Внезапно я наткнулся на «ничто», которое оказалось великолепным нечто, без слов. И всегда это нечто зажигало огонь в моем сердце, огонь, который был всем.

А потом Фивы, подземелья: все говорило со мной, как ни одна книга Запада. Это было очень забавно: все было непонятно и, вместе с тем, исполнено смысла. Витал ли я в облаках? Нет, черт возьми! Ведь было гестапо, бросившее меня в пропасть тотального непонимания. Этот Ужас, он повсюду втихомолку следовал за мной, как если бы весь Запад был повинен в этом. Вся его культура, интеллект, машины были ветром, который втягивала в себя черная дыра.

Достаточно было одного дуновения, как все рушилось, оставались только колонны Луксура. Я смотрел на сумеречные фрески, на иероглифы, полные неосознанного смысла, как вдруг передо мной предстала великая Змея Фив; людишки, стоящие цепочкой друг за другом с венцом великой Змеи вокруг головы, они шли и шли сквозь века, жизни и падшие династии. Куда они шли, зачем, влекомые единым Роком?

* * *

В течение полутора месяцев мое оцепенение не проходило, и я устремился в другое рождение, не знаю зачем, ведь я уже не был тем, кто родился на улице Джордано Бруно. Но, без всяких сомнений, я был тем, кто умер в одном из подвалов гестапо. Я застегнул свой ранец и сел на ночной поезд, идущий в Каир. Было 21 февраля 1946 года. Случайность ли это? День рождения кого-то, кого я еще не знал, и кто должен был перевернуть всю мою жизнь: Матери – там в Индии. Я молча грезил, в то время как за окнами расстилались поля сахарного тростника, а в водах Нила мерцало отражение луны. Я был пылающим черным взглядом, пытающимся проникнуть в Тайну; надо было найти или выпрыгнуть – это ясно. Невозможно жить с этим отвратительным ощущением под ложечкой. Все человеческое во

мне умерло. К тому же могущественные призраки пустыни пытались поселиться в моих внутренних подвалах.

Тем не менее, однажды вечером возле Абидоса я увидел эти чудесные статуи моих предков с лицами, варварски изуродованными каким-то мусульманским фанатиком (Храни меня Господь) прошедших времен. О, эти «прошедшие времена» – прошли ли они навсегда? Под великим Змеем Фив остается разверстая пасть. Что было таким мятежным на дне человеческого существования? Я смотрел, я оттачивал мой черный взгляд... Прежде всего, был Спартак со своим отрядом восставших рабов: они считали, что восстали против римлян, но... Потом Глабер, потом подлый Красс, приказавший распять шесть тысяч рабов Спартака вдоль дороги из Капуи в Рим.

Красс – это было до Христа. Гитлер – это было после Христа. В чем разница? И кто будет следующим Гитлером?

Сорок лет спустя, мы знаем, что Гитлер расплодился повсюду и что именно он выиграл войну.

Нет, не руины Запада я разглядывал, сидя в моем каирском поезде, но что-то гораздо более глубокое, в чем был Секрет жизни или смерти, который надо было вырвать, чтобы не пасть подобно Спартаку в тысячном бесполезном восстании.

* * *

В последний раз пришел взглянуть на Сфинкса. Я должен был сесть в Порт-Саиде на английский корабль, отправляющийся в Бомбей. Честно говоря, я плевал на все, я был как бы самоубийцей, взявшим отсрочку.

Он стоял на своем месте, этот Сфинкс, приводящий в оцепенение, как некий Титан, выкорчевавший вопрос из Земли, чтобы молча погрузить его в вас. А кругом – пески.

Который час, о прохожий? Куда идешь ты?

Революционер

Что движет тобою, о человек, и кто ведет нас в неведомые глубины внутри нашего существа и заставляет блуждать то здесь, то там, чтобы в конце пути увидеть, как забрезжит чудо? Словно это чудо, говоря словами Мальро, уже было «предсказано» прежде. И каким путем прошли мы прежде, в прошлый раз, чтобы вновь пересечь этот след, где все кажется узнаваемым, взаимосвязанным, возобновленным? Наконец мы здесь, мы дошли, и это начинается после стольких ложных шагов и стольких ошибок.

Меня никогда не перестанет та ослепительная траектория, которая, едва выйдя из «человеческих» развалин, привела меня сначала к подножию Сфинкса, древней занесенной песком Тайне, а потом к сияющему чуду – Шри Ауробиндо. Через десять месяцев после той тифозной агонии, когда жить не хотелось и не стоило, я очутился перед самой Судьбой, жизнью и смертью.

Был день 24 апреля 1946 года. Мне было двадцать два с половиной года.

Когда я пришел в «правительство Пондишери», я еще ничего не знал о Шри Ауробиндо, я знал только, что он «революционер», что он был посажен в тюрьму англичанами и, что его едва не повесили.

Это сразу же внушило мне симпатию к нему.

Говорили также, что он «мудрец».

Но я был полным тупицей в том, что касается «азиатских мудростей». Мне были ближе Васко де Гама, Кристофор Колумб и бретонские пираты, берущие на abordаж испанские галионы. И, по правде сказать, я предпочитал Спартака Будде.

24 апреля все опрокинулось в новое неоткрытое море.

Стояла адская жара, было два с половиной часа пополудни. Павитра, выпускник французского политехнического института (Бог мой), подждал меня возле ступеней Ашрама. Это был человек необыкновенно сердечный и простой, с каким-то улыбочивым светом в глазах. Он заставил меня вскарабкаться по узкой лестнице, где теснилась вереница послушников, потом – лестничная площадка, и вот – эта комната, заполненная

молчанием, можно было бы сказать – прочным молчанием, обитая белым полотном. В глубине сидели два существа.

Двигаясь автоматически, я приблизился. Я сложил руки на индийский манер, как меня тому научили. Там был Он – почти придавленный неподвижным могуществом. Его лицо излучало голубое сияние (я думаю, что это были неоны). Он взглянул на меня. Взгляд был широким, шире, чем все пески Египта, нежнее, чем воды всех морей. И все перевернулось в... я не знаю в чем. Всего за три секунды.

Потом Мать, сидящая справа от него, которая так широко улыбнулась мне, повернув немного шею и подбородок, словно хотела сказать: «Ааа!..» Я стоял в полном оцепенении. Три секунды.

Я вернулся в мою комнату в «Правительственном дворце», сел на свое гигантское ложе, которое стояло здесь, может быть, со времен Индийской Кампании, и остался так сидеть, ничего не понимая, не больше, чем в Долине Королей или в Фивах. Это был другой мир. Он вибрировал, уходя далеко за горизонты... а потом ничего больше... ничего больше не знаешь. Я знал, что это – «то, что дается навсегда». Три секунды и навсегда. Существо... единственное, какого я нигде больше не встречу. Существо.

Потом я почувствовал как бы палец, который погружался в мой череп сквозь макушку. Это было очень странно. Физическое ощущение. К тому же это было неподвижно, могущественно и лишено смысла. Не было ничего, что имело бы смысл!

Но, тем не менее, никогда еще я не чувствовал себя таким живым, как в тот день.

* * *

Мы слишком бедны словами, чтобы суметь высказать то, что лежит у нас на сердце.

Мы всегда бываем вынуждены пользоваться чем-то вроде цирковых трюков, сочиняя всевозможные обороты. Когда же, наконец, мы сможем переложить свои слова на музыку?

Я был в таком смятении, непостижимом смятении, что немедленно набросился на все, что мог прочесть у Шри Ауробиндо на своем плохом английском: научные труды,

письма, статьи, несколько переписанных лекций... И вдруг, я наткнулся на обрывок фразы из четырех слов:

«ЧЕЛОВЕК – ПЕРЕХОДНОЕ СУЩЕСТВО».

Эти слова совершили что-то вроде переворота в моей голове, моем сердце, моей жизни. В самом деле, я мог бы никогда не знать о том, что Земля круглая, что она вращается вокруг Солнца, не знать ни о ньютоновском яблоке, ни обо всем этом «священном» научном хламе – и это ничего бы по существу не изменило в моей жизни. Я мог бы только плавать на более красивых парусниках по менее достоверным морям. Но то, что человек является переходным существом, это была потрясающая новость.

Можно плавать, имея компасные карты и астролябию, или просто держа нос по ветру, но можно ли плавать, неся смерть в своем сердце? Человеческое сердце полно смерти. И оно сеет ее повсюду.

Безусловно, я читал Ламарка (по крайней мере, то, что написано о нем в старых философских трактатах, и это меня вдохновило), но я никогда и вообразить бы не смог, что наш победоносный вид был только звеном, чем-то вроде «высшего» бабуина и что мы должны перейти во что-то другое.

«Другое» – мое сердце кричало, пытаюсь отыскать его, не в небесах, не в библиях того или иного жанра, а в теле – в смертном, поруганном теле, нагруженном, как мул, фальшивыми знаниями, религиозными и научными предписаниями и еще бог знает чем, с чем входят в человеческую Мерзость.

Тогда с первого взгляда стало очевидно, что моя астролябия указывала на эту звезду.

В ту же минуту все плотоядные человеческие существа показались мне (да простят мне это) пройденным этапом, интерлюдией... горестной и плодотворной, поразительно плодотворной, потому что она наконец-то к чему-то вела. Это существо, которое я видел, этот Шри Ауробиндо, в котором чувствовалось такое напряжение, что-то хватающее за душу, он был словно придавлен собственным могуществом, как колонны Лексура, если бы они обладали взглядом... беспредельным

взглядом. Подобное существо не могло пересказывать философские бредни – оно знало, оно знало путь. У него был путь.

Это была такая потрясающая новость, как если бы она была первой новостью в моей жизни.

Потом я узнал еще одну, вычитал ее на первых страницах «Вечерних бесед», записанных очень пылким и подвижным старичком, тоже революционером А. Б. Пурани, которого я встретил на улице, – это было в те времена, когда индийские Сократы могли окликнуть вас на улице: «О, человек, куда идешь ты?» Воистину, куда идем мы?

Итак, эти первые страницы содержали еще одну новость или, скорее, декларацию, которая, однако, не была «Декларацией прав человека». По своему предназначению, по своему человеческому предназначению мы – рабочие, не так ли, прежде всего мы здесь, чтобы работать. Для чего? Мы – первооткрыватели, не так ли, но первооткрыватели чего? Мы будем восставать и гибнуть стихийно или организовано, коллективно или поодиночке, до тех пор, пока не найдем дело, которое надо делать, и цель своего существования.

Итак, вот что говорил Шри Ауробиндо старому революционеру Пурани, который должен был быть очень молодым тогда, возможно, таким же, как я:

Речь идет не о том, чтобы поднять восстание против британского правления.

Любой может легко сделать это.

На самом деле, речь идет о восстании против Природы, всей, целиком.

Да, это становилось интересным. Что сказали бы об этом Спартак или Ленин? Можно совершать революции до бесконечности, революции, которые ничего не меняют, которые только перемешивают одни и те же составные части в горшке, из которого, в конечном счете, не выйдет ничего, кроме того, что мы в него положили. И воистину, из него, кажется, не может выйти ничего, кроме прожорливых людишек и все более и более чудовищных измышлений, способных насытить эту прожорливость. Все наши революции проваливаются или

заканчиваются крахом, потому что мы не совершили прежде эту одну единственную Революцию.

И, наконец, чтобы расставить все точки над «і»:

Если тотальная трансформация существа является нашей целью, то трансформация тела неизбежно является необходимой частью ее.

Значит, действительно, передо мной был Революционер. Революционер, у которого был путь.

Мне было что делать.

Мне было что открывать.

Моя астроблябия указывала прямо в неведомое!

Она

Но я еще не был готов.

Звук сирены разрывает ночь, и корабль входит в порт.

Я столько прошел. И все это стало частью огня, который разгорался во мне все сильнее. Может быть, надо прийти к такой точке, где якорная цепь обрывается, где рвутся все цепи. У меня их почти уже не осталось, кроме одной невидимой, вросшей в кожу. Надо было также искоренить в себе бретонца, поскольку «лучшее» в нас является самым большим препятствием. Это была моя последняя якорная цепь в мире, лишенном смысла: море, чайки, солнечная бухта, где набегаящий прибой мусолит вечность и разбивается о скалу, поросшую рыжим лишайником. О, эта скала...

А потом настал тот декабрьский день 1950 года, когда брат принес в мою комнату в Париже газету «Комбат»: Шри Ауробиндо ушел.

Он ушел.

Это существо.

Я чувствовал, как вся Земля истекала кровью в моем сердце. Вся Земля осиротела, она стояла в лохмотьях, лишенная своего смысла.

Шри Ауробиндо.

Тут же я собрался и отправился в Гвиану, в джунгли, все равно куда, куда-нибудь, где я мог бы выкрикнуть всю горечь, отчаяние и бессмысленность человеческого существования. Пусть я не могу больше перескочить в будущее, но, по крайней мере, я окунусь в зеленую предысторию, где не было ничего, кроме обезьян и попугаев.

Но всегда перед тобой остается загадка: она горит и сгорает и возрождается вновь. Человек – это вся Земля, задающая вопрос. Это его судьба после обезьян. Этот неутомимый Огонь сжигает его изнутри, заставляя подойти к двери «без ключа», к самому краю, к последней стене, где надо найти или умереть. Индивидуум – это целый вид, это одно и то же. Неужели я опустился так глубоко в человеческий кошмар затем только, чтобы сказать: «Всё». Я дошел. Надо было проделать отверстие,

посмотреть, что там на дне и что за дном, взять меч Фрасибула, но не для того, чтобы пронзить им какого-нибудь угнетателя – угнетатели повсюду... Может быть, надо было бы убить всех. Но в моем сердце не было ненависти, было только сочувствие и понимание ко всему, лишь горе и нужда, пережитые вами, могут вам дать это. Да, надо найти выход из человеческого концентрационного лагеря. Корень зла. Конец этого тотального угнетения, которое бросает одних на других, бросает нас на все другие виды, как на свою добычу, на целую Землю, как на уличную девку, чтобы насиловать ее и обладать ею всеми возможными способами, ради своего сиюминутного удовлетворения.

В течение двух лет я ворчал, блуждал, нес свою кару, находя в этом иногда какую-то дикую радость.

Потом я собрал свой рюкзак мятежа.

Ведь там еще оставалась Мать, которую я совсем не понимал.

Я преодолел мое природное отвращение ко всякого рода «обществам», «ашрамам», закрытым местам, ко всем обладателям «Истины» и снова отправился в Индию.

Мне было тридцать лет.

* * *

Там была Она.

Эта тайна.

Ашрамы с их историями никогда не интересовали меня. Но Она...

Эта опасность – для меня.

Я приблизился к ней, как приближаются к «рифам Тайфера», покрытым кипящей морской пеной, таким прекрасным в своей неистребимой чистоте. Я должен был утонуть там, разбить свой киль?

Я желал этого и боялся.

Я всегда любил море.

Я полюбил Мать, как бросаются в море.

О, я боролся, я говорил «да» и говорил «нет». Я хотел знать. А она сделала так, что все мое прежнее понимание растворилось в

непостижимом неведомом. Я выпускал когти, а потом мое раненое, кровоточащее сердце погружалось в нее, и она принимала мой мятеж в свои руки и делала из него меч, способный пронзить Ужас.

«Мы кое-что сделаем вместе».

Совсем, да! О, эти медитации и спекуляции, у меня их было сверх головы. Но делать, придавать форму, прорубаться сквозь лес с помощью мачете. Прежде всего, надо проторить путь в себе самом – это трудно, это больно – найти Врага в самом себе. Я не переставал находить Врага, все более твердого, более жестокого и неумолимого, потому что воспарить в небесные выси – это красиво, но спуститься туда, пройти первые сантиметры там, где встречаешь уже не свои атавизмы, а всю Землю! Уже нет тридцати шести человек, есть только один. Нет тридцати шести врагов, есть один враг. И это не что иное, как Победа – победа над смертью. Потому что все наши беды проистекают оттуда.

Она взяла меня за руку. Она сделала меня своим другом почти на двадцать лет.

О, послушаем хорошенько: «смерть», дело ведь не в том, чтобы стать «бессмертным». Бог мой, в этом теле высшей обезьяны. Но что-то, что делает смерть, что покрывает всю Землю или ее питает. Этот отвратительный первичный гумус. Если только это не «скала», как говорили ведические риши, эти таинственные мудрецы, стоявшие у истоков Человечества. Кажется, они уже знали исход. Цель:

*О, умеющие видеть,
Сотките нетленную ткань,
СТАНЬТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ СУЩЕСТВОМ,
Сотворите божественную расу,
Отточите ваши лучистые копы,
Чтобы проторить путь
К тому, что бессмертно.*

Станьте человеческим существом...

Это было пять или семь тысяч лет тому назад! Тогда уже был

путь, который надо было пройти, чтобы стать тем, кем мы до сих пор еще не стали. Завтрашний день Земли, после нескольких яростных судорог.

Она взяла меня за руку, она сделала меня свидетелем этого невероятного продвижения в завтрашний день Земли, к Человеку, который еще будет. Я видел, как она напрягалась, я слышал ее стоны, слышал ее крики, иногда я был свидетелем ее отчаяния, ее опытов почти... головокружительных. А потом ее Улыбка, она всегда улыбалась так широко, как только могла. Она всегда шла до конца. Она задыхалась все больше и больше посреди этих джунглей Ашрама, где не хотели понимать ничего, кроме своего собственного крохотного человеколюбия. Она прорубала путь там через этих людей, которых было не тридцать шесть, но одно единое «болото», как она говорила, впрочем, с золотыми блестками на поверхности и периодическими духовными взлетами, потому что, несмотря ни на что, мы всегда двойственны. Она прорубала путь сквозь «неприступные крепости». Она шла на штурм нового вида, преодолевая сопротивление старого. Как рыба, которая ползет по песку, преодолевая асфиксию и корчи, которые являются асфиксиями и корчами всего старого вида. Прорубать надо в теле. Надо становиться наперекор самому себе. Наперекор всем надо осмелиться откопать то, что еще не от мира сего.

Новое существо – это гибель для всех. Оно все рушит. Оно все расшатывает. Оно идет вразрез со всеми законами. Ведь речь идет о том, чтобы вырвать Новый Закон из отрицания своего собственного тела и всех других тел тоже, потому что есть только одно единое тело!

Она прокладывала путь, Она делала это столько, сколько могла, сидя в позолоченной башне, окруженная мрачными стражами и всевозможными змеями. Она больше не пользовалась словами, Она только смотрела своим пронзительным Взглядом, проникающим сквозь века и стены. Она только улыбалась своей непостижимой улыбкой сочувствия к той ране, которой все мы являемся. Она брала меня за руки, Она сосредотачивала свой взгляд, Она тайно влекла меня к тому, чего я еще не понимал, к тому, чем я еще не был. А теперь я это знаю. Она влила в мое сердце и в мое тело несколько капель нового фермента –

надежды Земли.

«Я хочу идти дальше» – сказала Она мне накануне 17 ноября 1973 года.

Она, бесстрашная.

Она, которая все мне дала, и все для меня сделала, для всех нас и без нашего ведома.

Она, которая была старше Фив, вырвавшая тайну у Сфинкса – нашу тайну.

О, ее руки, нежные и сильные, державшие мои, такие сильные, что казалось, Она меня вытягивала и хотела вытянуть всю Землю.

«Который час?» – спросила Она меня в последний раз. Это были последние слова, которые я услышал от Нее.

Час, какой час пробил для Земли?

* * *

Она ушла...

Мне было пятьдесят лет.

ВЫЗОВ

Мне надо рассказать то, что очень трудно выразить словами.

На каком языке говорить?

В моей камере во Фреснах, когда на рассвете я слышал стук сапог в коридоре, жгучее молчание царило в моем сердце.

После ухода Матери я не испытывал того чувства полного краха, какое я испытал, когда ушел Шри Ауробиндо. Было жгучее молчание.

Я не стоял больше перед своей собственной персоной, спрашивая себя самого о себе и своей судьбе. Я был пустым взглядом, уставившимся на черную стену камеры. Я слышал стук других сапог, которые звучат в коридорах мира. Я стоял перед судьбой Человечества, всего-навсего, и перед вопросом Земли. Была ли надежда? Начинать все с начала с отцов и детей, с судебных палат и Эвклида и с тысячи и одного восстания ни за что – а бедствия будут все возрастать. И миллионы младенцев, которые в свою очередь станут отцами и дедушками... Я словно пережил в себе всю тщетность жизни и смерти всех людей с их последним вопросом. Снова начать с колыбели и уйти с тем же самым вопросом? У меня был «шанс» умереть во время пути или продолжать жить с этим вопросом.

Нет, не «смерть», но бесчисленные смерти и Смысл существования нашего вида.

У меня был этот Смысл, но не философский, а физиологический. Когда умирают – не философствуют, а отдаются физиологическим конвульсиям. Как Земля теперь.

Я владел этим секретом, но надо было сделать его живым, надо было его передать.

Это было ужасно ответственно.

Прежде всего, надо было спасти легендарный документ о путешествии Матери: Записную книжку. Ее первые шаги, на ощупь, в поисках нового вида, ее возгласы триумфа и отчаяния – ни в коем случае нельзя было допускать, чтобы все попало в когти новой Церкви. Это была жестокая битва, о которой нет места говорить здесь. Джордано Бруно был упрям, я тоже. Сегодня, к счастью, больше нет костров, но есть убийцы в

каньонах – я очень верю тому, что убийцы есть повсюду, как это виделось моему брату Рембо: «Вот наступает время убийц».

Мне понадобилось восемь лет на то, материализовать эту легендарную Весть на шести тысячах страниц и попытаться – о, эти попытки – прорубить тропинку, «просеку» – как говорят в джунглях, посреди зеленого катаклизма, который не был предысторией, но историей, еще не родившейся, не доступной ничьему пониманию.

А я, что понимал я сам?

Понимать – это очень хорошо, но по-настоящему понять можно только собственной кожей, как понимаешь море, окунаясь в него, и понимаешь скалы, обдирая об них кожу. А что потом? Но нельзя стать маленьким тюленем, лежащим на солнце с учебником! Становиться – это надо было делать срочно. Ах, эти «читатели», они читали, они, может быть, раскрывали глаза на чрезвычайный Смысл, но когда рушится Империя, наша Земля, опустошенная так, как не под силу было ни одному Аттиле, когда сознание погружается во тьму и оказывается захваченным невидимым варварством, и сумерки уже опускаются на нас – не остается ничего другого, как делать, да, делать, не так ли?

Это был грозный вызов.

Я не осмеливался – и это меня подстегивало.

Если мне была дана привилегия, милость: слушать Мать, знать Шри Ауробиндо, прикоснуться к тайне ведических риши, так неужели только для того, чтобы написать эти книги? Если бы никто никогда не последовал ни за Христофором Колумбом, ни за викингами, Америки бы просто-напросто не было. Если бы никто никогда не задыхался в пересохшей луже и не «выдумал» легочного дыхания, земноводных бы просто-напросто не было. Нужны последователи. Иначе зачем?

Я испытывал стыд от своей затеи. Почему стыд? Это казалось мне таким чрезмерным для маленького человечка! Но если ни один человек, такой маленький, какой он есть, такой убогий, с такой двойственной природой, как и все его братья по общей трясине, не последует? Где надежда? Не надо быть ни «высшим», ни сверхинтеллектуалом, чтобы сделать шаг, шаг к следующему виду. Не надо обладать специальными добродетелями, потому

что именно наши совершенства, наш интеллект и наши добродетели являются синдромом старого вида. И речь идет не о том, чтобы стать «сверхчеловеком», но чем-то другим, совершенно другим. Речь идет о том, чтобы набраться смелости, только и всего.

И такая сильная надежда!

Тогда я сказал себе: «Почему бы и нет?» Как некий Шарко, отплывший в арктические моря. Он погиб в море. Но другие пошли вслед за ним.

* * *

Я окончил свою работу летописца. И кто знает – где, у ног Матери, в Фивах, слышал я уже эту историю о другом человечестве. Но время бежит незаметно, а бог Солнца не дремлет. «Они отыщут Свет и солнечный мир», - говорили Веды. Это было так давно.

Придет ли это время, этот час, этот день? Тьма никогда не бывает такой густой, как перед восходом. Это сказал Шри Ауробиндо. Мне надо суметь высказать то, что так трудно выразить, что было долго скрыто за мифами, легендами, потерянными следами и за морем пролитой крови.

Я томился тревогой от мысли, что надо было взять нить там, где Она ее оставила.

А потом, как в воду бросился. И вот уже семь лет, семь лет прошло: день за днем, можно было бы сказать, час за часом, как я вошел в эту работу. Ведические риши называли это «долбить». Я не знаю, как... Входишь в нее, как в ураган, который все вырывает с корнем, который со всего срывает покровы. Когда тебя настигла буря, нельзя останавливаться, чтобы сделать передышку, надо идти до конца или погибнуть.

Вот уже семь лет, как я нахожусь внутри, изолированный, отрезанный от мира, и, тем не менее, никогда не видел столько! О, этот ужас! Земля одержима так, как не была ни в какие средние века. Я понял по опыту Матери и Шри Ауробиндо, что надо любой ценой остаться одному и скрыться от всех, чтобы проделать эту работу. Можно спрятаться физически, но все подземные силы и все колдуны поднимаются, чтобы настичь вас.

Как если бы пришлось сразиться со всем миром.

Я сделал столько открытий в течение одного дня 1982 года, открытий, которые были сделаны Шри Ауробиндо, были сделаны Матерью, может быть, были сделаны Иоанном из Патмоса на его острове в изгнании, и ришами. Но я заметил, что ничего не понял в них или понял слишком мало, будучи, тем не менее, свидетелем, написав книги – трилогию, чтобы попытаться сделать понятным путь, пройденный Матерью. Ничего не понимаешь до тех пор, пока «что-то не врывается в твоё тело, как землетрясение». Тогда говоришь: «Ааа!» и стоишь потрясенный, словно перед Тайной Земли и веков.

Но остается последний вопросительный знак, последний шаг, и ничто по-настоящему не прояснится, пока не дойдешь до конца.

Я сказал, что я не хотел больше писать, я глубоко чувствовал легковесность бесконечных слов, но время от времени надо бросать бутылку в море. И вот уже в течение семи лет и, кто знает, скольких еще, я веду летопись этой отчаянной Одиссеи. Я понимал, что надо было оставить следы (я называл это моими «Заметками» – Заметками об Апокалипсисе). Греки знали, и Иоанн из Патмоса знал, что этот пресловутый «Апокалипсис», из которого сделали столько чудовищ (но, может быть, впрочем, произойдет несколько землетрясений и появится некоторое количество «зверей» ... видимых уже сейчас), означал просто-напросто – «обнажение сути», apo-kalupsis. Настало время обнажения сути, ужасная вещь, которую мы видим кишачей повсюду.

Я не знаю, увидят ли свет эти «Заметки», может быть, их определит, захватит врасплох «Свет» Вед, действительность сделает их устаревшими. Но я чувствую внутреннее принуждение, почти насилие, если можно так сказать, писать эти страницы сегодня, потому что я очень ясно вижу, изо дня в день, как изнурительно это дело – создание нового вида и... кто знает тогда?

Я хотел только оставить несколько набросков, по крайней мере, несколько «знаков» – я дам только два из них – того, что я видел «обнажающимся» в моем собственном теле, день за днем.

И можно отправляться к Богу!

Жизнь и Смерть

В каком направлении вести поиски? До сегодняшнего дня «направление» для нас и для видов, которые нам предшествовали, было определено. Природа подталкивала нас в заданные условия, и ничего не надо было искать: тело само искало и защищалось, как могло, посреди землетрясений, наводнений, засухи, неполадок в нашем способе питания или дыхания. А то еще какой-нибудь астероид мог прилететь и повергнуть нас в новый ледниковый период. Но в любом случае – надо искать в теле.

Сегодня тело тоже ищет, но по-другому, потому что оно полностью погребено, но не под тяжестью ледникового периода, а под тяжестью периода технического, научного и медицинского, который полностью подавляет его и лишает его своих собственных свойств, можно было бы также сказать, лишает тело его собственного сознания. Можно было бы также сказать, что этот период колдовства или, вернее, искажения истины, этот век фальсификаторов и лжецов составляет часть природных средств и таким ужасающим образом давит на нас, чтобы пробудить нас или даже принудить, с помощью какой-то особой асфиксии, найти эволюционный ключ. Истинный ключ, который открывает всю эту историю. Никогда не требуется «много народу», чтобы сделать новый видовой шаг: достаточно небольшого изъяна в старой привычной шкуре. Некоторые проходят, и... там уже другой мир.

Вот именно, недостаток, изъян. Пока все это ходит, ползает, летает или плавает в общем водоеме, улучшает водоем и условия проживания в нем, но вид тогда становится застойным, он становится на путь регрессии, постепенного упадка, как об этом свидетельствует наш новый противочеловеческий вирус.

И, Бог знает, какими ошибками полон наш новый, так называемый, человеческий период, которые наша наука и наша религия пытаются по возможности подправить. Но наш корабль тонет: чем старательнее мы улучшаем наши условия, тем больше они нас отягощают, чем больше мы стараемся рассеять наши заблуждения, тем сильнее они укрепляют нашу тюрьму, чем больше «чудесного», тем больше отвратительного.

Речь идет не о том, чтобы улучшить этот водоем.

Но тогда, где искать? Как искать в том, что еще не существует?

Если бы рыбе пришла в голову «идея» поисков, то, может быть, она высунула бы голову из воды, но она тотчас бы увидела или поняла своими жабрами, что там – смерть. Для каждого вида переход к чему-то другому является своего рода шагом навстречу смерти. Оно еще не существует, но надо сделать так, чтобы оно существовало.

Тогда, может быть, смерть составляет часть тех условий, которые надо изучать. Это над ней надо высунуть нос, а по возможности и все тело. Но что мы знаем о смерти? Ровным счетом ничего, если не считать того, что нам о ней рассказали ученые, колдуны и жрецы старого водоема, которые являются ни кем иным, как верховными Жрецами прежней Тюрьмы, или, скорее, стражами старой тюрьмы. Они вам решительно заявляют, что за прутьями научной и медицинской решеток – «смерть», но это – всего-навсего – смерть их науки. Это – всего-навсего – условия их жизни в тюрьме. Рыбий Папа говорил то же самое.

И мы полностью ошибаемся, рассматривая смерть, как некий труп, который имел несчастье не последовать медицинским предписаниям или попасть под машину. И потом, по ту сторону решетки нас ждет небо или ад в зависимости от добродетельных поступков или грехов, совершенных в старом водоеме. Или это – «ничто», но с тех пор, как существуют эти смертельные «ничто», совершается, тем не менее, происхождение всевозможных видов.

Но если было что-то иное за прутьями наших решеток? Если там было другое солнце, как у маленьких амфибий, выбравшихся на песок?

И как перейти на другую сторону, оставшись живым? И все-таки при каждом эволюционном переходе находится своего рода умерший, который остается в живых. Первый мутант, который скачет рысью, ползает или извивается. Каждый переход совершается через ту или иную смерть. Каждая смерть открывается новой формой жизни.

Ведические риши говорили о «великом переходе», *masah*

patah. Это – очевидно – первое направление, в котором надо вести поиски, но не извращенными способами, не с помощью микроскопов, пробирок и теорий; надо искать в своем собственном теле.

Искать смерть? В своем собственном теле?

Но где она, за пределами наших медицинских справочников? В каком уголке тела притаилась она? Если хочешь сразиться с врагом, надо крепко ухватить его за что-нибудь: за полу его одежды или за пробоину в его кольчуге.

* * *

Но смерть надо не «искать», она вся здесь. Это самое реальное и самое невидимое из того, что есть на свете. Все великие открытия очень просты и совершенно не понятны, потому что они противоречат очевидному, столь основополагающему, столь «естественному», наконец, что это не соответствует ничему в нашем сознании.

Если бы крестьянину, жившему в средние века, сказали бы, что Земля – круглая, он вытаращил бы глаза, поскреб затылок и ответил: «Ну, что же, может быть, хорошо, если так. Но мое поле остается плоским. И в любом случае, круглая она или квадратная, ходить по ней можно, а это главное».

Я провел около двадцати лет возле Матери, но осталось что-то важное, чего так и не понял до конца, как крестьянин средних веков. Однажды, когда я высказывал Ей какое-то свое соображение, Она воскликнула: «Но мой постоянный опыт говорит мне, что жизнь и смерть – это одно и то же!»

Тогда я понял ее слова так: состояние, которое называют «жизнью», и состояние, которое называют «смертью» (с другой стороны некоей могилы и некоей круглой Земли) – это одно и то же: есть жизнь после смерти, и эта жизнь имеет такое же право на существование, как и наша. Это – очевидно! И надо быть полным идиотом, чтобы не понимать этого, но это уже совсем другая история. Но Мать хотела сказать не это! Она хотела сказать, что сама наша жизнь есть не что иное, как смерть: нет той стороны, мы заключены внутри. Или, иначе говоря, мы стоим с плохой стороны, где жизнь еще и не начиналась.

Для того человека, которым я был тогда, пятнадцать или двадцать лет назад, это было непостижимым. Мое поле оставалось плоским. И для тех полностью интеллектуализированных существ, которыми все мы являемся, – это что-то вроде игры ума, жонглирования словами. Берут белое и говорят: «Это – черное». Или берут весь мрак нашей жизни и говорят: «Это – белое». А что это меняет? Но это меняет все!

Нельзя ничего понять в этом фундаментальном открытии (и понять – это еще ничего не значит, если не сделаешь это образом жизни), не освободившись от интеллекта и не придя к состоянию простого и чистого тела или к состоянию высшего животного, каковым мы и являемся под нашими всевозможными одеждами. То есть, к физическому состоянию, о котором мы совершенно ничего не знаем и которое, тем не менее, хранит в себе нашу тайну. Если бы какое-нибудь животное – рыба, например, могло чувствовать, что его состояние смертельно, как это чувствовала Мать, это должно было бы значить, что оно уже знает о другом состоянии, в котором дыхание сливается с жизнью. И именно по отношению к этому новому состоянию оно могло бы высказаться так: «Я пребываю или прибывало в состоянии смерти по отношению к другой, Солнечной жизни».

Но что хотела сказать Мать?

Я это понял позднее, когда сам приступил к работе, когда я прикоснулся к обнаженной материи, к телу, лишенному своих приспособлений и даже своих атавизмов, потому что нас этим не обманешь; даже младенец рождается полностью обнаженным. То, что хотела сказать Мать, – гораздо глубже и существеннее. Дело не в том только, что жизнь одного вида является смертью по отношению к жизни другого вида, как смерть рыбы является жизнью для ящерицы, греющейся под лучами солнца. Нет, совсем не в том.

Тут – вся жизнь, все, что мы привыкли называть жизнью, начиная с первых сине-зеленых водорослей в Гренландии или с первых кольчатых червей, наконец, то, что мы называем первой жизнью на Земле, – все это есть состояние смерти. Жизнь никогда не зарождалась! Ее, просто-напросто, еще не было. Тогда, когда жизнь еще только зарождалась, смерть уже настигла нас и с тех пор пожирает беспощадно один вид за

другим: это – смерть, которая живет.

«Но моя Земля остается плоской» – скажет тот образованный крестьянин, которого мы все из себя представляем.

Оставим ученых крестьян в их неведении; но для нас, тех, кто ищет, тех, кто задыхается и неловко чувствует себя на этой круглой Земле, – это колоссальный ключ.

Есть нечто физическое, Мать была полностью физической и обремененной девяносто пятью годами человеческого опыта, нечто физическое в теле нашего звериного вида, что является зарей первой жизни на Земле: о чем знала Мать, и что позднее узнал и я. Нечто, о чем мы еще ничего не знаем, и о чем ничего никогда не знал ни один из видов, существующих на Земле. Оно придет, чтобы взбунтовать всю Землю, чтобы изменить ее лик. Шри Ауробиндо говорил: «Мятеж против Природы, всей целиком».

Мы живем в каком-то подобии концентрационного лагеря, и в этом земном невидимом концентрационном лагере (очень привычном для нас) мы наблюдаем некий феномен, который мы называем «смертью», и мы говорим: это – тиф, это – истощение, это – злодейство подлого соседа, это – несчастный случай или это – сердце или печень, или рак, или преклонный возраст, или – я не знаю, что еще. Но это неправда! Не болезни, не возраст и не физиологические показатели приводят нас к смерти: сами стены концентрационного лагеря умерщвляют все, что находится внутри. Но это меняет все! Это меняет весь наш образ жизни.

Нам нужно изобретать не тридцать шесть тысяч препаратов пенициллина, не тридцать шесть тысяч сверхзвуковых самолетов, не другие бесчисленные «трюки», чтобы превозмочь нашу изначальную слабость: надо оздоровить стены. И тогда выздоровеют все. Надо выйти из лагеря, и тогда начнется новая Жизнь.

Исцеление – в физическом, говорила Мать.

Мы все заключены в некую черную башню, невидимую и бесконечную для нас; и в этой башне мы живем привычной для нас жизнью, видим привычный для нас свет и совершаем многочисленные «чудесные» открытия. Мы даже можем наблюдать всю Вселенную сквозь стены нашей башни. Мы даже

используем частицы нашей башни, чтобы делать «чудеса»: атомные, электронные, медицинские, любые на выбор. Мы можем летать внутри нашей башни и заниматься генетическими махинациями с целью улучшения нашего ночного вида. И вдруг башня рушится.

И появляется нечто иное. Нечто совсем иное.

Мы никогда не рождались, мы никогда не были «людьми» – у нас было только сумеречное зрение, как у аксолотлей в подземных озерах Мексики. Мы никогда не видели дневного света, никогда не видели жизни, мы были живыми мертвецами.

Наши стены рухнут.

Будет другая Земля.

Откроются «иные небеса», какими их видел Иоанн из Патмоса.

Вспыхнет Свет, каким его видели ведические риши пять или семь тысяч лет тому назад:

Они разобьют вдребезги горную скалу криком...

Они сделают в нас проход.

Они откроют дневной Свет и солнечный мир...

Оплодотворенная гора раскроется (наша материя, наша башня).

Совершится высшее рождение.

Раскроются небеса.^[5]

«Я знаю» тела

Существует второй грандиозный ключ. В действительности, он приходит первым. В течение многих лет я слушал, и мне казалось, что понимал. Но когда это взрывается в твоём теле... «поле» больше не остаётся плоским. Оно открывается в сияющую и... грозную неизвестность. Естественно. Становится чужаком – это опасно, это невозможно, но, тем не менее, это происходит. Это совершается постепенно, шаг за шагом. Ты не знаешь, каким будет твой следующий шаг, но все-таки делаешь его. Ты словно рождаешься с каждой минутой, но не так, как из живота матери – на все готовое. Ребенок кричит – ты тоже кричишь. Часто. Ты выходишь из живота чудовищной матери, возможно, той, которая выдохнула из себя все звезды. И зажгла все маленькие огоньки.

О, мы считаем себя умными и образованными. Мы достойны жалости! Мы дремлем с умным и важным видом над удивительным огнем, который заслоняет от нас это, и который скоро сметет всю нашу науку и всю нашу премудрость. Какие же мы дети!

Там – в теле.

Эта тайна.

Надо идти ей навстречу, раскрыв объятия и крича от радости. Но, не вооружившись электронными трубками и всевозможными манипуляторами, которые дают нам карикатурное представление о реальности: гримасу. Они предлагают нам ложь, которая так похожа на правду! Для человека древности, скажем, для ришей, достойным считалось то, что он мог узнать сам и сделать сам. Если бы они смогли разобраться во всех наших электронных, телефонных, воздушных и механических ухищрениях, они нашли бы, что пользоваться ими так же бесчестно, как подслушивать у дверей или передразнивать учителя. Учитель – совесть. Могущество – сознание. Сознание может все. И с той самой секунды, как мы лишились этого учителя, мы вошли в обладание фальшивой властью и фальшивыми познаниями: карикатурой на знание. Мы пошли в услужение к жестокому деспоту, который все глубже и глубже повергает нас в губительную бесчеловечность.

И эта ложная правда или правдивая ложь так захватила наше сознание, что мы полностью погрузились в тотальную ложь и в иллюзорную реальность Материи, которая гипнотизирует нас и порождает галлюцинации так, что все пути оказываются закрытыми. Вот дикий зверь: его рев доносится до нас из тех времен, когда жизнь на Земле зарождалась. Он уже был кем-то, кто искал след. И для нас будет лучше начать с того же.

Мой горящий взгляд, останавливающийся на стенах камеры во Фресках, был уже шагом к зарождению... ничьей жизни, потому что она должна была умереть. Взгляд в ничто, которое становится таким напряженным и слепящим, что превращается в нечто. В подобных случаях нет предубеждения относительно Материи или Вселенной. Есть то, что проходит насквозь. Есть первый шаг человека в неведомую страну на никому не принадлежащее поле: поле, которое надо копать.

А от одного обвала до другого надо копать.

И это все более усугубляющее «ничто», эта стена, эта тьма, по мере того, как погружаешься вглубь, наполняется светом.

Это ужасная бездна.

Это безысходно, безысходнее, чем смерть, потому что в смерти есть выход. Но сама эта безысходность является светом. Можно было бы сказать, что свет есть во всем, что касается этой ужасной истории.

И надо копать и копать, как говорили риши, сквозь бесчисленные слои и трясину, в которой можно увидеть тени всех ушедших предков с их историей, похожей на нашу, если не считать, что все они – один и тот же человек, и все ужасы прошлого, похожие на сегодняшние, если не считать, что есть одно зло и одна боль во всех этих миллионах жизней. И стаи диких зверей. Тогда ночь становится невыносимо удушающей, но все равно продолжаешь искать, скоблить своим огненным скальпелем, чтобы найти источник боли и свернуть ему шею, раз и навсегда.

Но думаешь не об «ужасах», а о воле, которая заключена внутри как сдавленный крик. Может быть – крик любви, скрытой под тьмой и ложью. Что-то, что притворилось мертвым, чтобы затеряться и отыскаться вновь. И будет обнаруживаться снова и

снова, до тех пор, пока в глубине нашего бездонного тела не откроется тайна.

Я долго копал.

Мы теряем след, потому что пытаемся слова, разъяснения, историю и психологию к тому, что есть нечто иное, как пустота, уходящая в глубь первичной материи, или Огонь, который разгорается все ярче.

И этот огонь, сам этот След – как река, ведущая к источнику: если идешь к верховью реки, то находишь, если идешь вниз по течению, то попадаешь в устье, полное грязи и наших нечистот. И все начинается сначала.

Но это – источник огня.

Замечательное открытие.

Но «открыть» – это недостаточно: важнее всего и, прежде всего – не закрывать.

* * *

Я могу рассказать только о своем собственном опыте, как я мог бы описать мои приключения в джунглях Гвианы или опасные плавания у скал Бель-Иля. Семь лет поисков в неведомой Материи, собранные на нескольких страницах. Но не надо тратить много слов, когда хочешь рассказать о делах Природы.

Итак, я копался в этом теле с тем упорством, которое необходимо, когда хочешь вырвать ужас с корнем. Там становилось очень жарко, как бывает, может, тогда, когда достигаешь дна шахты. И вот, однажды, я оказался как бы в центре революции, которая совершалась в глубине этого тела: тысячи, миллионы, бесчисленные множества микроскопических вулканов загорались и извергали пламя. Эти вулканы были, может быть, меньше, чем клетка, но их было так много, и они так разбушевались, что я смотрел на это и переживал это, пребывая в том состоянии оцепенения и восторга, какое испытываешь, когда наблюдаешь какой-нибудь природный феномен: бурю или землетрясение. Чудовищный бесконечный огонь – в глубине телесной Материи. И вдруг, все это оказалось разом увлеченным каким-то непреодолимым толчком, стало подниматься вверх, рвать свои цепи и покровы, как если бы где-

то наверху, выше тела, за его пределами гигантский магнит (я не знаю, как лучше объяснить), чудовищная магнитная сила притягивала к себе все бесчисленные освобожденные огни. У меня возникло чувство, что я сейчас умру. И вот внезапно я встретился со своим врагом – смертью. Это было очень интересно. Отныне я буду встречаться с ней постоянно, каждый день. Жить и видеть, что она из себя представляет. Мой непреходящий ужас. То, о чем до последней секунды не знал никто. Тайна нашего тела.

Но сначала, когда бесчисленные микроскопические вулканы вышли из моих тканей или из своей тюрьмы, увлеченные вверх, и когда мое старое привычное тело почувствовало, что умирает – в этом же самом существе, в этом же самом теле возникло несказанное ликование – радость, какой я никогда, о, никогда не испытывал за всю мою жизнь, даже во время великолепной бури у Дикого Берега; физическое наслаждение, как если бы все эти бесчисленные частицы огня узнали свой источник, свою Праматерь, то, что они искали в течение всех прошлых жизней, во всех прежних телах, эту бесконечную пустыню, полную суетящихся существ. А потом приходит время утоления Жажды. Упиваешься нектаром до пресыщения.

Как если бы тело достигло своей Вечной Цели.

Нет слов, которые могли бы выразить это.

Можно было бы сказать, что вся любовь, которую когда-либо знало тело, встретила со своей Вечной Любовью. Люди «любят», они любят тысячу вещей: море, чаек, других людей, но «это» – это был тот самый источник, место, куда можно было погрузиться полностью, без «других», без тебя и меня и, наконец, без стен.

Это было за стенами нашей башни.

Потом все эти микроскопические телесные вулканы слились воедино и их великое «потустороннее» пламя, источник нектара, «Высший Огонь» (я не знаю, как назвать это) – все это стало опускаться в мою старую башню.

Вот тут-то и начинаются все трудности, опасности и открытия.

С этого момента начинаешь отдавать себе отчет в реальности

тела и той материи, из которой состоит высокоорганизованное животное, в земной реальности, потому что нет тридцати шести тел и тридцати шести материй. Можно считать себя мудрецом, матросом, доктором тех или иных наук или главой демократического государства Востока или Запада, но нет ничего, кроме старой башни. Вся Земля заключена в эту башню.

* * *

Когда эта чудовищная материальная Реальность начала опускаться в мое тело, я испытал что-то вроде ужаса и агонии, длительной агонии. Ужас надо преодолеть.

Нам кажется, что мы разбираемся в реальности Материи и звезд, но мы напоминаем иглокожих или улиток, укrywшихся в своей первобытной раковине, отделяющей нас от реальности. Можно выставить перископы и телескопы за пределы нашей ограды, но наши инструменты позволят нам увидеть и понять только то, что позволяет нам видеть и понимать наша внутренняя структура и наше внутреннее строение. Наши инструменты и наше сознание – это инструменты и сознание иглокожих, только и всего. Как видит галактики орел? Он видит орлиные галактики, а мы – человеческие, вот и все.

Но реальность, поразительная материальная реальность – это совсем другое.

На самом деле, надо разрушить всю нашу тысячелетнюю структуру, чтобы подойти к этой реальности, к этой агонии, о которой я говорил. Это – разрушение башни.

А эта башня – это ведь сама смерть. Это то, что делает смертным наш вид и все другие виды с самого возникновения той жизни, которая никогда не была жизнью.

Но тело внезапно прикасается к Жизни, оно открывает Жизнь, оно пьет этот нектар. Мириады клеток припадают к несказанно сладостному источнику, находящемуся за пределами их скорлупы. Мириады маленьких огоньков окунаются в Высший Огонь, из которого они родились когда-то, как от своей первой Матери. Они ЗНАЮТ. Клетки ЗНАЮТ. Теперь они могут выдержать испытание.

Они знают так, как если бы знали это всегда. Они узнают, как

младенец узнает свою мать. Отныне никто и ничто, никакая смерть, никакой смертный ужас не смогут вырвать это из их внутренней вибрации. Это – как новая физиологическая память. Это то, что поможет нам во время перехода через смерть. Это – разрушение башни – скалы, как говорили риши; того, наконец, что отделяет нас от смерти.

Потому что вторжение Жизни в нашу старую органическую структуру – все равно, что вторжение смерти. Это – смерть нашего старого способа жизни. Все опрокидывается. Тогда по-настоящему открывается, что из себя представляет наша смерть или наша «жизнь». При этом вторжении включаются все сигналы тревоги нашего тела. Восходит Солнце, и вся ночь внутри нас принимается выть и раздирать наше сердце, мозг, легкие, нервы. Я умираю, я сгораю заживо, я разрываюсь, меня расплющивает. Это расплющивание – отвратительно. Это, может быть, то, что испытывает рыба на песке во время своих корч, когда она должна изобрести новый способ дыхания или умереть.

Нужен новый способ, чтобы дышать этой Жизнью. И это не делается в один день, это – долгая агония. Мать говорила: «Если бы не было знания о процессе, это превратилось бы в долгую агонию». И я сделал такое же открытие. Когда лет пять назад мой друг Люк пришел, чтобы взять у меня интервью, я ответил ему: «Я провожу время, умирая без смерти». Пять лет спустя это продолжается. Долгая работа – сделать шаг в другой вид. Длительная адаптация к новому... слепящему Солнцу.

Но есть это поразительное «Я ЗНАЮ» тела.

Это очень странно, словно бы два тела в одном. Одно – чье знание вечно, неистребимо и наперекор всему знающее Жизнь, к которой оно прикоснулось, и другое – расположенное сверху и закрывающее собой первое, старое смертное тело, сфабрикованное бесчисленными предками, которые внушали ему смерть, смерть при малейшем нарушении нашего древнего изначального ритма. И оно не знает ничего, ничего, кроме старого закона. И вместе с тем, нет двух разных тел, а есть одно, но ввергнутое в борьбу с двумя законами и двумя реальностями.

Моряки говорят, что корабль состоит из двух частей: «живой части» - ниже ватерлинии и «мертвой части» – выше ватерлинии. Но это – один и тот же корабль. И есть тело – в глубине, внутри,

внизу, захваченное чудовищным новым потоком, удивительным новым дыханием, которое кричит: «Я знаю, я знаю, и даже, когда я умираю, я все равно знаю!» И есть другое – над ним, сверху, которое кричит: «Я умираю, я умираю, я умираю!»

Но умирает сама смерть.

Все признаки приближающейся и тягостной смерти – налицо: они бросаются в глаза, в мозг, в сердце, наваливаются на старые негнущиеся позвонки, и эти позвонки трещат под тяжестью непосильной жизни. Так, может быть, прилетевший с Луны, должен был бы медленно, потихоньку снимать свой скафандр, чтобы выдержать нашу гравитацию.

Итак, у нас есть ключ, колоссальный ключ: «Я знаю» тела. И мы можем открыть этим ключом огромный концентрационный лагерь, в котором мы живем индивидуально и сообща. Мы узнаем, что наше тело целиком изготовлено с помощью смерти, оно представляет собой смерть, которая живет, окруженное тысячами стражников; они разрывают его, запирают и угрожают ему, они кричат на каждом шагу: «За пределами этого – смерть, дальше этого – смерть, сердце отказывает тебе, силы покидают тебя, ты слабеешь, у тебя кружится голова...» И все это – совершенный вздор. Тысячи стражей смерти вооружены медициной и первобытным чутьем и физиологическими симптомами, самыми убедительными – убийственно убедительными.

И мы учим, нам надо заучить наизусть, что все физиологические симптомы есть Ложь, придуманная смертью, чтобы удержать нас в своих сетях. Нам надо запомнить или умереть. Как рыба на песке. И если дрогнешь – умрешь взаправду. Есть что-то, что знает пронзительно и неотвратно: «Свобода – по ту сторону!» и «Я хочу, я хочу, я хочу выйти отсюда!» Это совершенно невозможно, силы на исходе, ноги подкашиваются, это – конец. Но после всего этого раздается КРИК ЖИЗНИ. Что-то, что заставляет перешагнуть.

И приходит новый путь, божий суд нового вида (нельзя сказать иначе), навеки невозможное, которое должно стать возможным. После каждой подобной «операции» мне видится словно бы божественная Улыбка, говорящая: «Ты видишь, что это совершенно невозможно и, тем не менее, это вполне возможно».

И каждый день ты снова принимаешься за невозможное, и оно становится возможным: постепенно, шаг за шагом, с каждой секундой. До тех пор, пока все тело не вырвет из себя несметные полчища смерти, поселившейся в нем, пока оно не сорвет маску со смерти, с этой ужасной лжи, которая скрывает от нас божественную Любовь, и выдает себя за жизнь.

Все наши ощущения порождены смертью.

Новая жизнь избавится от смерти.

Это все равно, что оказаться вырванным с корнем.

Новая Жизнь придет, чтобы спасти всю Землю, все нации, всех людей.

Это – разрушение башни.

Медленное вторжение новой Жизни.

А в конце – новый вид, который изменит лик Земли.

Сумерки человечества – это приход свободного Человека и божественной Жизни на Земле.

«Пусть Земля и Небеса станут равными, сольются в одно» – говорят Веды.

«Новая Земля и новые Небеса» – сказал святой Иоанн в Апокалипсисе.

Воскрешение мертвых – это наше воскресение.

Это – последнее восстание на Земле.

Это революция Шри Ауробиндо.

И Любовь Матери.

Четверг, 7 июля 1989 г.

* * *

«Человек – переходное существо» – возвестил Шри Ауробиндо в начале нашего века, тогда же, когда он возвестил о «новой эволюции». Неизвестная история об этом переходе, которая рассказана здесь, – это первые удары посоха нового вида, который вытеснит Homo Electronicus, как однажды мы вытеснили обезьян.

Сумерки и новый восход.

Очень тонкая перегородка отделяет Чудесное от губительного.

- 1) Риг-Веда, III, 25.1 и I, 70.2
- 2) Риг-Веда.
- 3) Риг-Веда, I, 71.
- 4) Цитата по Всемирной Энциклопедии, 15.91.
- 5) Риг-Веда, I, 71, 45